

Красота человека русского и иностранного (по страницам произведений Ф.М. Достоевского)¹

Бурлакова И.И.,

доктор педагогических наук, зам. директора института «Иностранные языки, современные коммуникации и управление», Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия iiburlakova@mail.ru

Высшая духовно-нравственная ценность человека - это гармоническое единство его физического совершенства, нравственных убеждений, мотивации, целеустремленной воли и творческого интеллекта. Эти достоинства личности взаимосвязаны. Прекрасное в человеке по Ф. М. Достоевскому раскрывается в глубокой связи духовной и физической красоты личности. Как национальный художник он рассуждал не столько о физической красоте человека вообще, сколько о русском человеке. Под красотой художник понимает определенное достоинство человека, в данном случае представителя русского народа. Писатель во многих своих произведениях представил гуманный взгляд на духовную сторону человеческой жизни. На страницах своих работ он говорит о неизбежности страдания, как проверке личности на жизнестойкость и в тоже время не отвергает будущие радости, которые могут привести к разложению личности. В таком смысле страданию можно дать положительную нравственную оценку, поскольку оно в определённой мере способствует формированию цельной личности. Огромное значение Ф.М. Достоевский придавал более важному состоянию человека, которое делает его облик цельным и красивым — созидательному труду. Факт высокой нравственной оценки этого качества в человеке в эпоху острых социальных конфликтов имеет большое прогрессивное значение, являясь свидетельством гуманизма идеалов писателя.

Ключевые слова: духовная красота, нравственные качества, произведения, Ф. М. Достоевский.

Для цитаты:

Бурлакова И.И. Красота человека русского и иностранного (по страницам произведений Ф.М. Достоевского) [Электронный ресурс] // Язык и текст 2019. Том 6. №1. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n1/Burlakova.shtml> doi: 10.17759/langt.2019060107 (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Burlakova I.I. The beauty of a man of Russian and foreign (According to the works of FM Dostoevsky) [Elektronnyy resurs]. *Jazyk i tekst [Language and Text]*, 2019, vol. 6, no. 1. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2019/n1/Burlakova.shtml> doi: 10.17759/langt.2019060107 (Accessed dd.mm.yyyy)

Высшая эстетическая ценность человека - это гармоническое единство его физического совершенства, нравственных убеждений, мотивации, целеустремленной воли и творческого интеллекта. Эти эстетические достоинства личности взаимосвязаны.

Представлениям Ф. М. Достоевского о прекрасном в человеке присуща глубокая связь духовной и физической красоты личности. Как национальный художник он рассуждал не столько о красоте человека вообще, сколько о русском человеке [1, с.130]. «В русском человеке из простонародья, — писал, например, он, — надо уметь - отвлекать красоту его от наносного варварства. Обстоятельствами всей почти русской истории народ наш до того был предан разврату и до того был развращаем, соблазняем и постоянно мучим, что еще удивительно, как он дожил,

¹ Статья создана при финансовой поддержке РФФИ 18-012-90034
© 2019 ФГБОУ ВО МГППУ «Московский государственный психолого-педагогический университет»

© 2019 Moscow State University of Psychology & Education

сохранив человеческий образ, а не то, что, сохранил красоту его, Но он сохранил и красоту своего образа» [2, т. XI, с.84]. Под красотой художник понимает определенное достоинство человека, в данном случае представителя русского народа. Ф. М. Достоевский однажды заметил, что иностранцы знают, что народ в России «очень красив», что отставные русские кавалеристы удивляли французскую публику «красотой своих форм». По мнению писателя, для иностранца красота человека другого этноса, прежде всего, представляется в своеобразии физического облика. Но сводима ли духовная красота (внутренняя) к внешним формам? Ф. М. Достоевский полагает, что нет, но в то же время она и не безразлична к физическому облику. Потому он постоянно обращает внимание читателя на них и в самых общих выражениях говорит о красоте внешнего облика героев своих произведений. Например, прекрасное лицо Сироткина («Записки мертвого дома») или Ставрогина («Бесы»).

Лицо Сироткина было прекрасным, но автор его называет красавчиком, ведь он человек ленивый и равнодушный. Другое дело Алей: на его красивом лице отражалась вся его душа. Это была цельная натура, сильная и стройная. Вот это уже настоящая, подлинно положительная красота как внешнее выражение цельности личности.

Обратимся к характеристике физического облика других героев Ф.М. Достоевского. Раскольников, например, «был замечательно хорош собою, с прекрасными тёмными глазами, темнорус, ростом выше среднего, тонок и строен». После такого описания внешней красоты героя автор ставит точку. Вот еще несколько эстетических характеристик. Степан Трофимович Верховенский чрезвычайно красив собой; лицо прапорщика Эркеля было прехорошенькое; Версиков очень красив; фон Лембе просто красив и т. д. Для русского читателя эти суждения имеют второстепенное, описательное значение. Интерес имеют такие оценки, которые позволяют свидетельствовать о связи внешней красоты и внутренней, духовного облика, или состояния личности, т.к. красота – это не только статическое достоинство, качество внешнего вида героя, но прежде всего подвижное, динамическое состояние личности и целостная ее оценка [1, с.131].

Если вспомнить пространные описания красоты Алеши Валковского, его прирожденного изящества, то становится понятно, что эта красота внешних форм без значительного смыслового содержания, способного придать цельность личности. Нет у Алёши характера, он непостоянен из-за чрезвычайной способности подчиняться всякому внешнему влиянию и от совершенного отсутствия воли и нравственного стержня.

Другим примером могут служить суждения Аркадия Долгорукого о красоте Сергея Сокольского. С первого взгляда он признает его физически красивым, но что-то было не привлекательного в этом молодом и красивом лице. Подросток замечает, что решимость его взгляда «ему слишком недорого стоила», что лицо его никогда не становилось веселым. В красоте молодого Сокольского есть что-то и от его духовного, внутреннего мира. А в образе княжны Кати все было прекрасно; ни один из пороков не родился вместе с нею, всюду видно было прекрасное начало, принявшее на время ложную форму, которая выражалась в непомерно развитых гордости и самолюбии, помутивших «на время стройность и гармонию всего ее существа». Здесь видны ясное представление о красоте как цельности личности (стройность и гармония всего существа) и видение того, что эта цельность нарушается, если прекрасные начала приобретают ложную форму. Важно и то, что это «помутнение» определенным образом, иногда едва заметным, выражается во внешних формах красоты.

Также интересны суждения о красоте Николая Ставрогина: «казалось бы, писанный красавец, а в то же время как будто и отвратителен. Говорили, что лицо его напоминает маску...» [3, т.7; с. 46]. Спустя четыре года рассказчик-хроникер снова видит Ставрогина таким же красавцем. «Но одно поразило меня: прежде хоть и считали его красавцем, но лицо его действительно «походило на маску... Теперь же,— теперь же не знаю почему, он с первого же взгляда показался мне решительным, неоспоримым красавцем, так что уже никак нельзя было сказать, что лицо его походит на маску. Не оттого ли, что он стал чуть-чуть бледнее? ... Или, может быть, какая-нибудь новая мысль светилась теперь в его взгляде?» [3, т. 7; с. 193].

Другим примером трактовки Ф.М. Достоевского о соотношении духовной и телесной красоты может служить Пульхерия Александровна, о которой сказано, что лицо ее, несмотря на ее сорок три года, все еще сохраняло в себе остатки красоты, что «бывает почти всегда с женщинами, сохранившими ясность духа, свежесть впечатлений и честный, чистый жар сердца до старости. Скажем в скобках, что сохранить все это есть единственное средство не терять красоты своей даже в старости» [3, т. 5, с.212].

Таким образом, рассмотренные здесь феномены красоты ясно свидетельствуют о необходимой связи внешних форм ее выражения с внутренним, духовным состоянием личности. Точно также обстоит дело, когда мы встречаемся с героем произведения «законченной красивой формы», которая достается ему по наследству, т.к. возможность восприятия изящной формы за действительное выражение души и сердца человека свидетельствует о том, что в изящной форме должны быть представлены и душа, и сердце. Несмотря на невзгоды своей эпохи, великий писатель не переставал верить в подлинную красоту человека. Сравнивая Ф.М. Достоевского и Рембрандта, С. Цвейг заметил, что оба они знают, что «нет красоты более глубокой, чем святая красота души, преодолевшей скудость бытия» [1, с.133].

Любовь к истине у Наташи Ихменевой проявлялась особым образом. Иван Петрович подметил, как лицо ее становилось все прекраснее и привлекательнее: «Эта детская и в высшей степени правдивая жажда истины и справедливости и непоколебимая-вера в свои стремления все это освещало ее лицо каким-то прекрасным светом искренности, придавало ему какую-то высшую, духовную красоту, и вы начинали понимать, что не так скоро можно исчерпать все значение этой красоты, которая не поддается вся сразу каждому обыкновенному, безучастному взгляду» [3, т. 3, с. 254].

Ф.М. Достоевский лишь к концу творческого пути во всей глубине открыл значение высшей, духовной красоты и дал проникновенную эстетическую оценку образа Татьяны Лариной как непревзойденного типа положительной красоты в русской литературе. Само понятие «положительная красота» определяется им в речи о А.С.Пушкине. Сравнивая Татьяну с Онегиным, Ф.М. Достоевский говорит, что: «у него никакой почвы, у нее же есть основа, незыблемая почва цельности духовной». В понятие «положительная и бесспорная красота» Ф.М. Достоевский вкладывает существенное содержание, не любые воспоминания детства, а то, на что может душа опереться, что ей способно доставить радость даже в самом горьком и безысходном положении. Именно такая красота должна связывать личность с Родиной, Народом, Нацией, святынями, а не временное изящество и преходящая привлекательность [1, с.134].

Среди героев Ф.М. Достоевского мы встречаем мало образов, воплощающих «положительную и бесспорную красоту», которые предстали бы перед нами в своей величественной духовной красоте (князь Мышкин, старец Зосима, Алеша Карамазов и Макар Долгорукий). Все герои Ф.М. Достоевского в дороге: одни идут к гибели, другие - на каторгу, третьи - к возрождению. В целом, они далеки от красоты положительной, духовной цельности. Причиной этому может служить исторический период в который писатель жил и творил. Это было время неустойчивых форм и разложение старых норм, которое не давало жизненного материала для создания нового типа положительной красоты. Однако, время также не могло лишить человека красоты. Именно красота в полном смысле слова, но лишь как преходящее состояние человеческого духа, а не твердое и незыблемое его достоинство, нашла многообразное воплощение в героях Ф.М. Достоевского.

Сознавая художественные трудности в поиске положительного героя, он не оставлял мечты вплоть до последнего дня своей жизни. Слишком большие надежды возлагал писатель на этот образ, чтобы отступить от его осуществления. Воплощение идеи положительно прекрасного человека он связывал со своим нравственным идеалом, и, в частности, с проблемой «лучшего человека». В «Дневнике писателя» за 1876 г., он пишет: «Всякому обществу, чтобы держаться и жить, надо когонибудь и что-нибудь уважать непременно и, главное, всем обществом, а не то, чтобы каждому как он хочет про себя» [2, т. XI; с. 434]. Эту общественную функцию исполняют лучшие люди, которые разделяются на два типа. Первый тип составляют лучшие люди, перед которыми сам народ и сама

нация добровольно склоняют себя, чтя их доблесть; второй - это те, перед которыми многие из народа или нации преклоняют себя по некоторому принуждению, и считаются они «лучшими людьми» уже несколько условно. Это так сказать, официально признанные «лучшие люди», необходимые «для высших целей порядка и твердости управления» [1, с.135]. Принимая во внимание, что престиж официально признанного идеала человека после реформы 1861 года, пошатнувшись, Ф.М. Достоевский выдвигает народное представление об идеалах «лучшего человека». Эти идеалы «ясны и видны с первого взгляда: «лучший человек», по представлению народному, это тот, который не преклоняется перед материальным соблазном, тот, который ищет неустанно работы на дело Божие, любит правду и, когда надо, станет служить ей, бросая дом и семью и жертвуя жизнью» [2, т. XI, с. 442]. Ф.М. Достоевский глубоко убежден, что образ «лучшего человека» не утерян на Руси, его хранитель и носитель — народ русский.

В романе «Идиот» Ф.М. Достоевский делает попытку создать цельный образ «лучшего человека», который бы представил собой гармоничное единство идеалов обоих видов «лучших людей». «Главная мысль романа, сообщил он 1 (13) января 1868 г. С. А. Ивановой о замысле «Идиота», — изобразить положительно прекрасного человека. Труднее этого нет ничего на свете, а особенно теперь. Все писатели, не только наши, но даже все европейские, кто только ни брался за изображение положительно прекрасного, всегда пасовал. Прекрасное есть идеал, а идеал — ни наш, ни цивилизованной Европы еще далеко не выработался ... Упомяну только, что из прекрасных лиц в литературе христианской стоит всего законченнее Дон Кихот. Но он прекрасен единственно потому, что в то же время и смешон» [2, т. II, с. 71]. Ф.М. Достоевский подчеркивает, что самые благородные достоинства человека пропадают, идут прахом, если личности недостает цельности, единства, гармонии. В таком случае личность станет на фантастический, ложный, бессмысленный путь в своей деятельности и навлечет на себя смех и издевательства окружающих.

Автор «Идиота» стремился воплотить в образе князя Мышкина «некоторые из черт того идеала гармонической человеческой личности, высшим выражением которого ему представлялась личность Христа»; последний мыслился им «в первую очередь, именно как «положительно прекрасный» человек, а не как выразитель определенного религиозного учения» [4]. В. В. Ермилов, например, связывает образ Мышкина со сказочным Иваном-дураком, не отрицая его сходства и с Христом. Хотя в записных книжках Достоевского и есть наброски образа «князя-Христа», но в романе, в действительном образе князя Мышкина эти наброски почти не получили реализации. Вспомним и то, что в «Идиоте» образ Христа все-таки фигурирует как «труп измученного человека», «в полном виде труп человека ...».

Если уж искать художественные аналогии, то из всех всемирно известных литературных героев князю Мышкину наиболее близок Дон Кихот и по духу, и по манере поведения. Но это своеобразная близость. Если Дон Кихот «умер мудрым, жил безумным», т. е. жил и действовал в фантастическом, выдуманном мире (в этом и состояло его безумие), то князь Мышкин действует в совершенно реальном мире и, казалось бы, поступает разумно, но этот вполне действительный мир считает и превращает его в «идиота» князь в результате столкновения со «здоровыми» людьми окончательно теряет рассудок. Чтобы наградить своего героя всеми возможными духовными добродетелями, писатель не только лишил его физического здоровья, но и изолировал да долгие годы от общества. Но ведь добродетели имеют смысл только в обществе, иначе они теряют всякий смысл и могут обратиться против их носителя. Так и случилось с нашим героем. Князь Мышкин, этот русский Дон Кихот XIX в., по замыслу писателя, является носителем чистого, абсолютного добра; во этих действиях и поступках, в отношениях к людям, независимо от их социального положения и возраста (будь то лакей или генерал, ребенок или старик), он руководствуется подлинной, бескорыстной любовью; бескорыстие его полнейшее; он выкупает из долговой тюрьмы старика Иволгина готов раздать всем неожиданно обрушившееся на него наследство; к нему всех влечет; он откровенен и прямодушен до наивности; пронизательность его каждого поражает; правдивость, честность, нравственная чистота и ум ни у кого не вызывают сомнения; его эстетический вкус отличается

тонкостью и глубиной, В нравственно-эстетическом отношении - это безусловно цельная личность [1, с. 137].

Но его духовную красоту вряд ли можно назвать положительной; недостает ей чего-то твердого и незыблемого, прочной связи с Родиной, народом, его святынями; его доброта абстрактна, не избирательна; для него все есть люди — и подлец (Келлер), и порядочный человек (Елизавета Прокофьевна), и жулик (Лебедев) одинаково вызывают сочувствие, располагают к откровенности. Такое отношение к человеку порождает ответную любовь, князя любят почти все — Настасья Филипповна и Аглая, Вера Лебедева и Коля Иволгин, даже компания Бурдовского проникается к нему уважением; особое отношение к нему Рогожина (ревность), также Гани и его сестрицы Варвары Ардалионовны (соперничество). Но, вместе с тем, большинство обласканных им людей его немилосердно обманывают, обворовывают, издеваются над ним открыто и втихую, смеются над его странностями. Между ним и окружающими возникает глубокое противоречие; часто не ведая о лживости, коварстве, вероломстве, эгоизме, своекорыстий, лицемерии, двуличии большинства своих «друзей», Лев Николаевич не в состоянии понять мотивов их поведения; и это при его проницательности и уме; его презирают, начинают ненавидеть, а он все и всех прощает. Аглая говорит: «Я ни одного человека не встречала в жизни подобного ему по благородному простодушию и безграничной доверчивости... Всякий, кто захочет, тот и может его обмануть, и кто бы ни обманул его, он, потом всякому простит, и вот за это-то я его и полюбила» [3, т. 6, с. 642].

Это исключительно высокая оценка нравственных достоинств князя Мышкина. Настасья Филипповна опустила перед ним на колени, прямо на улице. Гордая красавица - живое воплощение огромной, непреодолимой силы красоты - на коленях перед детски наивным князем - не мелодраматическая ситуация, а символ преклонения красоты перед беззащитным доброй. Аглая говорит: «Здесь (на вечере у Епанчиных.—И. Б.) ни одного нет, который бы стоил таких слов! ... Здесь все, все не стоят вашего мизинца, ни ума, ни сердца вашего! Вы честнее всех, благороднее всех, лучше всех, добрее всех, умнее всех! Здесь есть недостойные нагнуться и поднять платок, который вы сейчас уронили ... Для чего же вы себя унижаете и ставите ниже всех? Зачем вы все в себе исковеркали, зачем в вас гордости нет?» [3, т. 6, с. 387]. У него не то что гордости, но чувства собственного достоинства по сути дела нет. Он лишен даже чувства самосохранения, элементарной заботы о себе. Это не то, что аскетизм, а нечто другое — отсутствие любви к жизни, которой наделены многие герои Ф.М. Достоевского. Здесь «речь идёт не о слабости, беззащитности добра и человечности перед лицом эгоистических страстей, выработанных частнособственническим обществом, но о неприятии этим обществом идеала духовной красоты, воплощенного в образе князя. Это, видимо, и хотел показать писатель. Итак, ни цельности, ни жизненной полноты, ни завершенности, ничего твердого и незыблемого нет в этом трагическом образе, положительно прекрасного типа не вышло из обаятельного Мышкина, хотя он и не смешон» [1, с.139].

Другая попытка создать образ прекрасного человека переходной эпохи связана с Алешей Карамазовым, который во многом сходен с князем Мышкиным. Его все любят, ищут с ним дружбы, спрашивают совета; дети — его лучшие друзья. Он говорит правду в лицо. Однако, некоторые читатели считают его чудаком. Но автор любит своего героя. Он не считает его ни фанатиком, ни мистиком. В монастырь Алёша ушёл потому, что любил людей, а дорога в монастырь «... поразила его и представила ему, так сказать, идеал исхода рвав-шейся из мрака мирской злобы к свету любви души его» [3, т. 9, с. 26]. С самого начала жизненного пути Алеша отличается от Мышкина. Он здоров, в нем чувствуется любовь к жизни и, даже умеет за себя постоять. Вырисовывается образ положительного героя.

Теперь сделаем попытку рассмотреть красоту, как временное, преходящее состояние личности. Тип цельной личности, т. е. положительного человека, остался для Достоевского неосуществимым идеалом. Но в известном смысле каждый человек хоть однажды на своем веку бывает действительно духовно красив. С утверждения этого тезиса Достоевский начинает свою литературную деятельность. Макар Алексеич Девушкин, рядовой переписчик бумаг, забитый донельзя мелкий чиновник, в своей самоотверженно-бескорыстной любви к другому, столь же

кроткому и незащищенному существу предстает перед нами цельной личностью. Все свои духовные силы он вкладывает в отеческую любовь к Варваре Алексеевне Доброселовой. Макар Девушкин возвышается до подлинной красоты человеческой в этой жизненной ситуации. «Я вас, как свет Господень, любил, как дочку родную любил, я все в вас любил, маточка, родная моя! и сам для вас только и жил одних! Я и работал, и бумаги писал, и ходил, и гулял, и наблюдения мои бумаге передавал в виде дружеских писем, все оттого, что вы, маточка, здесь, напротив, поблизости жили, Вы, может быть, этого и не знали, а это все именно так!» [3, т. 1, с. 207].

Цельность духовного мира личности способна за короткое время преобразить личность, пробудить, активизировать в ней подлинно человеческие чувства и способности. Мечтатель-герой «Белых ночей» испытывал подобное состояние четверо суток, но и за этот короткий срок понял, как радость и счастье делают человека прекрасным. Настенька любит другого, выходит за него замуж, она счастлива. В творчестве Достоевского любовь принадлежит к таким чувствам-состояниям, которые захватывают человека всего, целиком и либо делают его духовно красивым и преображают, либо разрушают и унижают. Все оттенки любви переживают герои Достоевского, но выше всего он ценит любовь деятельную, в которой расцветает человек, заново рождаясь. Вспомним о любви Сони Мармеладовой к Раскольникову. «Они хотели было говорить, но не могли. Слезы стояли в их глазах. Они оба были бледны и худы, но в этих больных и бледных лицах уже сияла заря обновленного будущего, полного воскресения в новую жизнь. Их воскресила любовь, сердце одного заключало бесконечные источники жизни для сердца другого» [3, т. 5, с. 573]. Конечно, любовь-страсть-исступление, любовь-мучение или любовь-жалость и любовь-восхищение по-разному отражаются на цельности личности. Наиболее благотворна в этом смысле любовь деятельная. Однако, не всякая цельность личности может быть признана подлинной красотой. Мало ли всякого рода фанатиков, творящих чудовищные преступления против человечности, отличаются негибимой и не проницаемой цельностью. Лишь цельность, вырабатываемая в процессе органического, сознательного усвоения, личностью благородных нравственных принципов, руководящих ее действиями, является действительно положительной и бесспорной красотой. Такая красота — подлинная радость для других и великое счастье для личности, «Счастье не в одних только наслаждениях любви,— писал Достоевский,— а и в высшей гармонии духа» [3, т. 10, с. 449].

В связи с анализом образа Татьяны Лариной перед Ф.М. Достоевским встал вопрос: «А разве может человек основать свое счастье на несчастье другого? Согласитесь вы быть архитектором такого здания на этом условии? Вот вопрос. И можете ли вы допустить хоть на минуту идею, что люди, для которых выстроили это здание, согласились бы сами принять от вас такое счастье, если в фундаменте его заложено страдание, положим, хоть и ничтожного существа, но безжалостно, и несправедливо замученного, и, приняв это счастье, остаться навеки счастливыми? Скажите, могла ли решить иначе Татьяна, с ее высокою душой, с ее сердцем, столько пострадавшим? Нет ... не хочу быть счастливою, загубив другого!» [3, т. 10, С. 449-450].

Таким образом, надо самому узнать страдание, чтобы не пытаться строить свое счастье на страдании других людей. Это гуманный взгляд на духовную сторону человеческой жизни. Писатель говорит о неизбежности страдания, как проверки личности на жизнестойкость и в тоже время не отвергает будущие радости, которые неизбежно расслабляют и могут привести к разложению личности. В таком смысле страданию можно дать положительную нравственную оценку, поскольку оно в определённой мере способствует формированию цельной личности. Огромное значение Ф.М. Достоевский придавал более важному состоянию человека, которое делает его облик цельным и красивым — созидательному труду. Однако раскрыть эту прекрасную черту в человеке ему не удалось, так же как писатель не смог раскрыть подлинных, социальных оснований гармонично развитой личности. Но факт высокой нравственной оценки этого качества в человеке в эпоху острых социальных конфликтов и унижения личности имел большое прогрессивное значение, являясь свидетельством гуманизма идеалов писателя.

Бурлакова И.И.
Красота человека русского и иностранного
(По страницам произведений Ф.М. Достоевского)
Язык и текст
2019. Том 6. № 1. С. 45–52.

Burlakova I.I.
The beauty of a man of Russian and foreign
(According to the works of FM Dostoevsky)
Language and Text
2019, vol. 6, no 1, pp. 45–52.

Литература

1. Белик, А.П. *Художественные образы Ф.М. Достоевского*, М.: Изд-во «Наука», 1974. 222 с.
2. *Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений*, СПб, 1883 г. Том 2.
3. *Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений*, СПб, 1883 г. Том 11.
4. *Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 10 томах*. М., 1956 – 1958. Том 1.
5. *Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 10 томах*. М., 1956 – 1958. Том 3.
6. *Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 10 томах*. М., 1956 – 1958. Том 5.
7. *Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 10 томах*. М., 1956 – 1958. Том 6.
8. *Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 10 томах*. М., 1956 – 1958. Том 7.
9. *Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 10 томах*. М., 1956 – 1958. Том 9.
10. *Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 10 томах*. М., 1956 – 1958. Том 10.
11. Фридендер Т.М. Роман «Идиот». — Сб. «Творчество Ф. М. Достоевского». М., 1959. 191 с.

The beauty of a man of Russian and foreign? (According to the works of FM Dostoevsky)

Burlakova I.I.,

Doctor of Education, Deputy Director of the Institute “Foreign Languages, Modern Communications and Management”, MSUPE, Moscow, Russia iiburlakova@mail.ru

---

The highest spiritual and moral value of man is the harmonious unity of his physical perfection, moral beliefs, motivation, purposeful will and creative intelligence. These qualities of a person are interrelated. The beauty in a person is revealed in the deep connection of spiritual and physical beauty of the person by F. M. Dostoevsky. As a national artist, he talked not so much about the physical beauty of man in general, but about the Russian man. The artist understands the beauty as a certain dignity of man, in this case, the representative of the Russian people. The writer in many of his works presented a humane view of the spiritual side of human life. On the pages of his works, he speaks about the inevitability of suffering as a test of personality for vitality, and at the same time he does not reject the future joys that can lead to the decomposition of personality. In this sense, suffering can be given a positive moral assessment, as it contributes to a certain extent to the formation of a whole personality. Huge value Dostoevsky gave more important to the human condition, which makes it look solid and pretty - creative work. The fact of high moral evaluation of this quality in man in the era of acute social conflicts is of great progressive importance, as evidence of the humanism of the writer's ideals.

Keywords: spiritual beauty, moral qualities, works, F.M. Dostoevsky.

References

1. Belik, A.P. *Hudozhestvennye obrazy F.M. Dostoevskogo*, M.: Izd-vo «Nauka», 1974. 222 s.
2. Dostoevskij F.M. *Polnoe sobranie sochinenij*, SPb, 1883 g. Tom 2.
3. Dostoevskij F.M. *Polnoe sobranie sochinenij*, SPb, 1883 g. Tom 11.
4. Dostoevskij F.M. *Sobranie sochinenij v 10 tomah*. M., 1956 – 1958. Tom 1.
5. Dostoevskij F.M. *Sobranie sochinenij v 10 tomah*. M., 1956 – 1958. Tom 3.
6. Dostoevskij F.M. *Sobranie sochinenij v 10 tomah*. M., 1956 – 1958. Tom 5.
7. Dostoevskij F.M. *Sobranie sochinenij v 10 tomah*. M., 1956 – 1958. Tom 6.
8. Dostoevskij F.M. *Sobranie sochinenij v 10 tomah*. M., 1956 – 1958. Tom 7.
9. Dostoevskij F.M. *Sobranie sochinenij v 10 tomah*. M., 1956 – 1958. Tom 9.
10. Dostoevskij F.M. *Sobranie sochinenij v 10 tomah*. M., 1956 – 1958. Tom 10.
11. Fridlender T.M. *Roman «Idiot»*.— Sb. «Tvorchestvo F. M. Dostoevskogo». M., 1959. 191 s.